

Х Р О Н И К А

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АНТИЧНИКОВ В ЛИБЛИЦЕ

(Чехословакия)

24—26 апреля 1957 г. в Либлице под Прагой состоялась конференция, посвященная изучению античности, в которой приняли участие 21 иностранный и 33 чехословацких ученых. Конференция, созванная по инициативе проф. Дж. Томсона, была организована Чехословацкой Академией наук. В ее подготовке принимала участие сотрудники Кабинета по изучению Греции и Рима Чехословацкой Академии наук и Кафедры античности Карлова университета в Праге под руководством академика А. Салача. Советский Союз на конференции был представлен С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман, Англия — Дж. Томсоном и Р. Ф. Уиллетсом (Бирмингам); от ГДР на конференции присутствовало 4 делегата, от Польши — 7, от Венгрии — 2, от Болгарии — 5 и от Румынии — 1. Чехословакия была представлена сотрудниками Чехословацкой Академии наук и сотрудниками Пражского, Братиславского, Бrienского и Оломоудского университетов.

В порядке дня конференции стояли два основных вопроса: 1) возникновение и характерные черты греческого полиса и 2) кризис римского государства и общества в поздней империи. Третьим пунктом повестки дня были сообщения о состоянии изучения античности в странах — участниках конференции, а также заключение соглашения о международном сотрудничестве в дальнейшем. 26 апреля в Праге состоялось закрытие конференции в присутствии более широкого круга специалистов, где Дж. Томсон, Е. М. Штаерман и А. Салач выступили с сообщениями о результатах конференции.

Открывая конференцию, академик А. С а л а ч обратился с приветствием к ее участникам. В кратком вступительном слове он подчеркнул важность исторического понимания всех областей науки об античности, а также необходимость вести исследование, руководствуясь методом исторического материализма. Настоящая конференция должна положить начало международному сотрудничеству в решении этой важной задачи.

По первому вопросу с докладом выступил Дж. Т о м с о н (Бирмингам). С докладом «Рабство в период возникновения полиса» прислал Я. А. Л е н ц м а н (Москва), к сожалению, не имевший возможности принять участие в конференции.

Дж. Томсон, опираясь на свою последнюю работу «The First Philosophers» (Studies in Ancient Greek Society, II, L., 1955), а также используя анализ товара, данный К. Марксом в первом томе «Капитала» и примененный Ф. Энгельсом по отношению к античному обществу в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», посвятил свой доклад прежде всего значению товарного производства для возникновения греческого полиса и его идеологии. Докладчик указал, что Энгельс считал развитие товарного производства решающим фактором возникновения цивилизации. Только так, по мнению докладчика, можно понять то новое, что было в греческом полисе по сравнению с восточными цивилизациями. Мало говорить о восточном патриархальном рабстве и рабстве античном, так как

разница между ними заключается именно в том, что «патриархальный раб использовался как потребительная стоимость, в то время как раб классической эпохи рассматривался как меновая стоимость, т. е. как товар; другими словами, переход от первой стадии ко второй, слившийся воедино с возникновением полиса, был обусловлен ростом товарного производства».

В древнейших классовых обществах бронзового века, в Месопотамия и Египте, недостаток металла привел к оживленному обмену товарами с соседними областями, что вызвало к жизни сословие торговцев. Однако господствующему классу, владельцам земли, с помощью религии удалось удержаться у власти. В их интересах было все время ограничивать рост товарного производства. Хотя технические успехи этой цивилизации были огромны, они не смогли все же покончить с примитивностью мышления людей того времени. «Короче говоря, люди оставались нецивилизованными».

Рост производительности труда при появлении железа вел к индивидуализации производства и присвоения продуктов производства. Сельская община превращается в коллектив индивидуальных собственников, производящих независимо друг от друга товары для продажи. Так, по завершении эгейского переселения развивается греческий полис. Его отличительные черты таковы: 1) он основывается на новых производственных отношениях, вызванных к жизни применением железа; 2) имеет выгодное географическое положение для ведения морской торговли, что способствует накоплению торгового капитала, торговле рабами, а значит, и возникновению античного рабства; 3) употребляет чеканную монету. Мы изучаем полис как «форму организации, характерную для цивилизованного общества».

В развитии полиса Томсон усматривает следующие фазы:

1) *Родовой период*. На основе греческого, а также сравнительного материала Дж. Томсон рисует основные черты места поселения племени и его постепенное превращение в полис путем концентрации ремесленного производства и сосредоточения старейшин в центральном поселке, который в конце концов — обычно при помощи синойкизма — становится городом и центром возникающего государства.

Переходным периодом является эпоха так называемой «военной демократии» (Томсон отвергает этот термин, ссылаясь на ленинское определение демократии как формы г о с у д а р с т в а), эпоха разложения родового строя (конец II тысячелетия), когда греческие вожди племен путем войн и грабежей получают богатство и власть.

2) Государство, даже в рудиментарной форме, возникает в эпоху «олигархии, или господства земельной аристократии»; эта эпоха «соответствует стадии патриархального рабства» (до конца VI в.). Основные классовые противоречия — между знатью и мелкими крестьянами (Энгельс). После реформ Солона, которые не совершили революции, но способствовали развитию денежного обращения, торговле рабами и увеличению числа торговцев, на сцену выходят два новых класса — торговцы и рабы. Экономическое развитие завершается тиранией, которая составляет (в отличие от точки зрения Энгельса) важное и универсальное явление для данной эпохи, усиливает класс торговцев и ослабляет земельную аристократию. Так готовится почва для демократической революции, несущей с собой, разумеется, также свержение тирании.

3) *Кleistенова революция* (Дж. Томсон защищает термин «демократическая революция») привела к власти «демократию, основанную на господстве класса торговцев и соответствующую стадии античного рабства (commercial slavery)». Основным классовым противоречием в этот период становятся противоречия между свободными и рабами и между гражданами и неполноправными жителями (Энгельс). Рабство начинает в значительной степени овладевать производством (Маркс). Продолжается борьба среди свободных, она приобретает новые формы, обусловленные наличием основного классового противоречия, которое ослабляет ее напряженность.

Демократическая революция в Афинах была проведена так, что она вызвала в народных массах иллюзию воскрешения родовых свобод (создание демов, триетий и фил). Уничтожившей все разногласия внутри народа представлялась она и Эсхилу, поэту демократии. В действительности же демократическая революция ликвидировала все остатки родовых отношений и установила «равенство» людей на рынке.

«Античная демократия установила независимость собственников товара, это означало, что они включились в сеть отношений, лежащих вне их контроля. Это было первое общество, полностью приспособленное к товарообмену». Понимание этого противоречия между содержанием и формой античной демократии является условием понимания ее сущности.

Дж. Томсон кратко обрисовал развитие от примитивного мышления, бывшего конкретным, субъективным и мистическим, к мышлению эпохи цивилизации, ставовившемуся все более абстрактным, объективным и рационалистическим и нашедшему свое выражение в сочинениях ионийских философов; докладчик показал также зависимость развития мышления от развития товарного производства. Вершиной примитивного материалистического мышления является философия Гераклита, намечающая, однако, пути развития идеалистической философии. Пармениду достаточно было огорить Гераклита как «всеобщий эквивалент» путем дальнейшего абстрагирования превратить в неизменное «единое», чтобы создать основную категорию идеалистической философии — субстанцию, «понятие-фетиш, отражающее сущность меновой стоимости». Здесь целесообразно отослать читателя к обстоятельному изложению этих сложных проблем в книге Дж. Томсона «The First Philosophers».

В заключение Томсон остановился на актуальности изучения античности сейчас, когда основной задачей марксистской науки является борьба за ликвидацию «понятий-фетишей», иллюзий, имеющих классовую основу. Классическим выражением этих понятий является знаменитый «товарный фетишизм», подменяющий отношения между людьми отношениями вещей. Анализ причин появления «понятий-фетишей» в античности под влиянием развитого товарного производства облегчит нам борьбу против его абсолютизации в буржуазной науке.

В добавление к докладу, который был разослан заранее, Дж. Томсон подчеркнул, что в докладе он не упомянул о линейном письме «В», поскольку результаты его расшифровки он не считает надежной основой для исторических выводов.

Я. А. Ленцман (Москва) в своем содокладе высказал мнение, что профессор Дж. Томсон переоценил роль товарного производства как решающего фактора при возникновении полиса и не попытался определить его характерные черты с точки зрения истории рабовладельческой формации. Так, из его поля зрения выпала, например, Спарта, где товарное производство не было развито.

Я. А. Ленцман предлагает иную, чем у Дж. Томсона, периодизацию возникновения полиса: 1) разложение первобытного общества — до начала VIII в., 2) возникновение аристократического (не олигархического!) полиса — до начала второй половины VII в., 3) переход к античному классическому полису — конец VII—VI в.

Я. А. Ленцман для изучения рабовладения в первый период прибег к сравнению данных из поэм Гомера и египетских табличек. В VIII и VII вв. не встречается следов крупных хозяйств, использующих труд значительного числа рабов и рабынь, о которых мы знаем из поэм Гомера. Не существует также преемственности между наименованиями рабов в поэмах Гомера и в классическую эпоху. Очевидно, сообщения Гомера в данном случае не только не соответствуют эпохе возникновения поэм, но их далекую основу надо искать в микенской эпохе.

В следующий период возникает аристократический полис, специфические черты которого объясняются тем, что он «возник и существовал на базе античной формы собственности». VIII и особенно VII века дали значительный рост рабовладения. Роль труда рабов в земледелии и особенно в ремесле невелика; но так как труд рабов был основой богатства родовой аристократии, рабство явилось основой социальной и классовой дифференциации греческого общества, а значит, и базой для возникновения полиса.

В период перехода к классическому полису (конец VII и VI в.) происходят решающие изменения в экономике ведущих полисов (но не во второй половине VIII в., как думает П. Оливя). Для социальной структуры полиса огромное значение имели технический прогресс, развитие и дифференциация ремесла, рост внутренней и внешней торговли. Вторая половина VI в. является началом бурного развития классического рабства (Коринф и Афины). Это время было периодом утверждения рабовладель-

ческого способа производства. Главным источником приобретения рабов является война, затем начинает расти роль покупки рабов (ярмарка в Кизике). Но труд рабов еще не вытеснил свободное производство в ремесле и главным образом в земледелии.

Начиная с Солона наблюдаем следующую фазу в развитии афинского полиса: в борьбу включаются торгово-ремесленные круги. Образуется «античный полис, где господствующим классом-сословием является община всех граждан». Главным классовым противоречием теперь является противоречие между рабами и рабовладельцами. Рабы рекрутируются из чужестранцев, а рабство постепенно овладевает основными отраслями производства.

По докладу и содокладу развернулись оживленные прения.

На примере кипрского письма акад. А. С а л а ч показал трудности чтения греческих текстов, написанных слоговым письмом.

Д. М. П и л п и д и (Бухарест) обратил внимание на то, что проф. Томсон рассматривает полис как государство, считая в то же время его первой стадией родовое общество. Это затрудняет датировку возникновения полиса. Учитывая, что существовали полисы демократические и олигархические, торговые и земледельческие, необходимо дать более широкое, чем в докладе, их определение.

Ряд критических замечаний, но без каких-либо предложений для решения проблемы, сделал И. Б о р ж а к (Будапешт). Соглашаясь с методом Дж. Томсона и рядом его частных выводов, И. Боржак считает, что местами доклад очень абстрактен, местами упрощен, в нем слишком много цитат из трудов классиков марксизма, а иногда встречаются и неточности. Преувеличена роль товарного производства: приведенные докладчиком черты полиса правильны, но они мало говорят о его специфике и т. д. Периодом демократической революции нужно считать весь VI век, необходимо рассмотреть роль мелких крестьян.

П. О л и в а (Прага) согласился с содокладчиком, что VII—VI вв. нужно считать эпохой становления, а не расцвета рабовладельческого способа производства. Однако он думает, что начало решающих изменений в экономике нужно отнести к последней четверти VIII в. (экспорт керамики, колонизация).

Небольшая группа замечаний касалась некоторых гипотез относительно возникновения полиса. Р. Ф. У и л л е т с (Бирмингем) остановился в связи с выводами своей книги «Aristocratic Society in Ancient Crete» (Лондон, 1955) на вопросе о родовых корнях некоторых институтов дорических полисов на Крите. В их возникновении большую роль — наряду с использованием железа — сыграли древние урбанистические традиции Крита. Необходимость удерживать господство и установившиеся связи разбросанных дорических поселений привела к превращению дорических родовых институтов в государственные. Из минайского прошлого идут корни системы воспитания, организации труда мальчиков, так называемой «agela». Критские «andrea» и «koimeteria» имеют много родственных черт с примитивными «домами мужчин». Заготовка продуктов для сисситий является очевидным пережитком прежних «gegas» и «klagos». Критская «hetairaia» имеет одинаковые черты с афинской фратрией, в Гортинских законах встречаются филы, существует род — «startos». В Гортинских законах найдем и «oikos» — хозяйственную единицу, возникающую и постепенно становящуюся самостоятельной внутри рода, тесно связанную с историей появления собственности на землю («klagos»). В Гортинских законах нет следов свободного завещания земли. Отчуждение земли вследствие развития денежного хозяйства стало обычным только в эллинистическую эпоху.

На археологических данных, свидетельствующих о предпосылках для возникновения греческого полиса, остановился в своем выступлении Й. Г е й н и ц (Прага). Хотя, по мнению Гейница, имеется много точек соприкосновения между древнейшими поселениями Греции и Ближнего Востока, истоки греческого полиса все же надо искать в соответствующей исторической эпохе. Изучение греческих поселений и торговых связей с неолита до поздней бронзы показывает, что «средняя и поздняя бронза не были благоприятны для возникновения классического полиса, который не мог развиваться в тени экономически мощных и влиятельных микенских властителей».

Земельным отношениям в древнем Пилосе посвятил свое выступление А. Бартонек (Брно). Анализируя данные об «общественной» и «частной» земле, он показал, что в Пилосе существовали отношения, кое в чем напоминающие восточные цивилизации (хеттские законы). Корни этих древнерабладельческих или раннерабладельческих форм общественных отношений кроются в эпохе разлагающегося родового строя. Происхождение тех черт в пилосской экономике, которые часто характеризуются в литературе как «феодалные», надо искать в связях ахейцев и хеттов с Востоком, но нельзя рассматривать их как явления, свойственные индоевропейской этнической общности, как это делают некоторые западноевропейские ученые.

Наибольшее число замечаний относилось к проблеме сущности и специфики полиса, проявившихся в его экономике и идеологии.

С. Л. Утченко (Москва) в своем выступлении обратил внимание прежде всего на противоречия в приведенной Томсоном периодизации развития полиса, где родовая организация рассматривается как фаза развития полиса, т. е. государства. Говоря о существовании полиса, С. Л. Утченко подчеркнул, что, несмотря на огромное значение товарного производства в процессе возникновения полиса, нельзя понять эту форму государства, не исследовав, в первую очередь, античной формы собственности на землю. Полис недостаточно определить как «город-государство». Как явствует из античных определений (Платон, Аристотель, «Экономика» Псевдо-Аристотеля, Цицерон), древние понимали полис прежде всего как «общность граждан и совокупность духовных и материальных ценностей, создающих эту общность». Материальной основой полиса является античная форма собственности, и, в первую очередь, собственность на землю как основное средство производства; специфична двойственная форма этой собственности. Частная собственность на землю осуществлялась всегда посредством коллективной (государственной) собственности, принадлежность к полису является условием собственности на землю. Таким образом, полис — это «организация, устроенная так, чтобы в данных условиях лучше всего гарантировать владение землей членам коллектива полноправных граждан». С этим связаны сравнительно небольшая территория полиса, охрана права собственности граждан (мероприятия Перикла, указания Платона в «Законах»), запрещение эндогенного рабства, ликвидация родовых фил и т. д. Собственность на землю и рабочую силу прочнее всего была гарантирована в Спарте, но в Афинах и Риме она также была обусловлена наличием гражданства. И если мы хотим постичь существо полиса, мы прежде всего должны изучить его материальную основу — форму собственности на землю.

Э. Ш. Вельскопф (Берлин) присоединилась к критике С. Л. Утченко периодизации развития полиса, приведенной в докладе Томсона. Она обратила внимание на то, что Энгельс считал революционными не только реформы Клисфена, но и экономическую часть реформ Солона, открывших дорогу для развития товарного производства, денежного обращения и рабства как формы производственных отношений. Тириция Пизистрата, экономическое значение которой Энгельс признавал, гарантировала реформы Солона. Клисфен же завершил все развитие политически. В вопросе о роли товарного производства Э. Ш. Вельскопф также выразила согласие с точкой зрения С. Л. Утченко. Существует особая связь между меновой стоимостью и рабством, а значит, и специфические условия развития собственности в полисе. Выражением этого является именно античная форма собственности на землю, обусловившая и особую политическую форму полиса, который нашел свое выражение в лозунге «isonomia» (в отличие от аристократического «eunomia»). В данном случае можно говорить о первой республиканской форме классового государства. При изучении греческого полиса мы сталкиваемся с вопросом, чрезвычайно важным для истории всего человечества, с вопросом развития общественной рабочей силы. В определенный исторический момент чисто человеческая особенность делать свои способности полезными для других развивается в форме товарного производства, основой которого является частная собственность. На стадии греческого полиса происходит развитие не только физических (как на древнем Востоке), но и умственных сил человека.

На некоторых проблемах экономики города-государства Афин остановился Я. П е-

ч и р к а (Прага). Экономическое развитие полиса надо понимать, как это делают советские историки, как развитие противоречия между античной формой собственности на землю и античным рабством, порождающего товарные отношения. Специфические черты античной собственности на землю можно определить следующим образом: 1) государство (коллектив) допускает собственность на землю только для полноправных граждан и, наоборот, всех их рассматривает как потенциальных собственников земли; 2) земля свободно не отчуждается и в отличие от движимого имущества не вступает в товарооборот. Конкретный материал из Афин свидетельствует, что вплоть до последней четверти V в. не допускалось, чтобы землей и домами владели люди, не имеющие афинского гражданства; некоторые исследователи (Hignett) считают, что до Солона действие гражданского права охватывало только владельцев земли; Плеханов в V в. указывают на прочную связь между гражданством и владением землей. Анализ ипотечных «*hōroi*» и литературных данных позволяет сделать вывод, что земля в Афинах в V в. не была вовлечена в товарооборот (Finley), или даже, что вплоть до Пелопоннесской войны земля вообще не отчуждалась (Fine). Следовательно, то обстоятельство, что земля еще не была товаром, является одной из специфических черт товарного производства в период расцвета полиса. Около середины V в. труд рабов начинает серьезно угрожать свободным афинским ремесленникам, а развивающееся товарное производство способствует углублению имущественных различий между гражданами. Разорение Афин в Пелопоннесской войне означало конец искусственного поддержания внутреннего единства полиса в ущерб эксплуатируемым «союзникам». Кризис полиса становится явственным. Ослабление прочной связи между гражданством и правом собственности на землю и постепенное втягивание земли в товарооборот в конце V и в IV в. являются лишь симптомами кризиса, свидетельствующими о том, что античное рабство и порожденные им товарно-земельные отношения подрывали античную собственность на землю.

Во втором выступлении Э. Ш. Вельскопф обратила внимание на то, что против гипотезы о неотчуждаемости земли в Аттике до конца V в. говорят сообщения Солона (и Гесиода), свидетельствующие о том, что земледельцы могли быть лишены земли. К тому же связь между неотчуждаемостью земли и товарным производством нельзя понимать слишком узко. Прежде чем земля стала товаром, товаром стали ее продукты, и это включило земледельца в круг действия законов товарного производства. Посредством так называемой апофоры была предпринята интересная попытка перевести рабовладельческие производственные отношения в отношения товарные для того, чтобы рабовладелец превратился в рантие.

Далее Э. Ш. Вельскопф предостерегала относительно упрощенного понимания преобладания труда рабов в V—IV вв. Нужно всегда говорить о сосуществовании и конкуренции труда свободных и труда рабов и изучать их взаимовлияние, например, на оплату свободных (Glotz, Heichelheim). На примере Спарты можно проследить только косвенным образом влияние товарного производства. Спартяне, опасаясь появления неравенства среди граждан, стремились воспрепятствовать втягиванию продуктов земледелия и земли в товарооборот. Но это привело к застою в культурном развитии спартянцев, а также элотов.

Отражению господствующих в полисе отношений собственности в теории государства Платона посвятил свое выступление Б. Борецкий (Прага). Основой идеального государства Платона является его единство. Это не случайно: единство и сила привилегированного коллектива граждан, резко отделенного от неграждан и рабов, более всего соответствовали интересам всякого полиса. Само собою разумеется, что это единство было единством классовым, оборотной стороной главной противоречия полиса, но вместе с этим и его внутренним демократическим принципом, независимо от политического устройства. Экономический кризис полиса ведет к его разрушению. У Платона единство общины также вытекает из исключительного положения граждан, которое очень усердно охраняется. Не только Спарта была образцом для построения Платона. Попытки сохранить социальное равенство граждан можно встретить и в самом развитом полисе, в Афинах, но в другой, более сложной форме. В конце

концов, перед Пелопоннесской войной все афинские граждане в самых разнообразных формах участвовали в эксплуатации рабов, союзников, чужеземцев и менее развитых народов. Но так как экономическая и политическая экспансия приводит, как это было в Афинах, к обострению социальных противоречий в развитом торгово-ремесленном полисе, попытки сохранить равенство граждан могут быть лишь временными. Платон же этой характерной черте полиса придал идеальный вид и устранил в своем государстве все, что могло бы нарушить его единство. Построения Платона, как и Фалеса из Халкедона и Аристотеля, не являются «социалистическими», они выведены из реально существовавших полисов.

И. Фрел (Прага) в своем выступлении остановился на вопросе развития греческого портрета в связи с развитием полиса и его идеологии. В вопросе о времени появления портрета в Греции до сих пор не достигнуто согласия. Портрет как явление историческое мог существовать, если: 1) данное общество признает индивидуальность и 2) художественная техника может выразить индивидуальные черты. В искусстве VI в. мы не встречаем индивидуальных черт, они появляются в начале V в., в богатую событиями эпоху греко-персидских войн, когда выявились яркие индивидуальности, в изображениях сатиров, кентавров, варваров и рабов на вазах. То же самое было и в монументальной скульптуре (Вальдгауэр). К этому времени относятся первые портреты, например, портрет Фемистокла, но вместе с этим существует сильная оппозиция против изображения индивидуальных черт («Персы» Эсхила, картина, изображающая Марафонскую битву). В эпоху победы демократии — в соответствии со стремлением укрепить единство коллектива граждан — существовало «запрещение» изображать индивидуальные черты. Портрет Перикла и другие портреты являются портретами идеальными, приближающимися к идеалам Олимпа. Индивидуальные черты в эту эпоху придают только кентаврам на Парфеноне и т. п.; нарушения этого правила строго наказываются (процесс Фидия). Индивидуальный портрет, несмотря на это, существует, но только как неофициальное течение, которое, как, например, софистика, во всю силу проявится в конце V в., в период кризиса полиса. Дальнейшее развитие индивидуальный портрет получает в IV в.; он одерживает победу в эпоху Лисиппа, приобретаая в это время новые социальные функции (Александр).

О роли религии в развитии греческого общества и в возникновении полиса говорил в своем выступлении Р. Г о ш е к (Брно). Данные линейного письма «В» свидетельствуют о том, что религия господствовала в жизни греческого поселения той эпохи. В период разложения родового строя растет влияние басилевсов и их «контакт с божествами», воля богов отождествляется с волей басилевсов. Религия становится орудием аристократии, и аристократические культы приобретают значение государственных, оставаясь все же в руках аристократии.

М. О к а л (Братислава) на многочисленных примерах из комедий Аристофана и данных других авторов показал, что Аристофана надо считать, как это делает В. Н. Ярхо, защитником и певцом афинских земледельцев, но что Ярхо неправильно затушевывает антидемократический характер его комедий. «Отношение (Аристофана) к демократии и демократам определялось положительным или отрицательным отношением афинских земледельцев к афинской демократии». Земледельцы отрицательно относились к Периклу, Клеонту и Гиперболу из-за их военной политики. Аристофан нападает на сикофантов, торговцев, промышленников и фетов, проявляя свое отрицательное отношение и к демократическим институтам (совет, общее собрание граждан). Вопреки действительности, Аристофан преуменьшает важные заслуги фетов и преувеличивает заслуги всадников и пехоты. Напротив, Аристофан относится положительно к вождю аристократии Фукидиду и к всадникам, а вначале и к богачам, которые во время Пелопоннесской войны имели общие с земледельцами интересы; позже земледельцы должны были защищаться от скупки ими земли. Положительное отношение Аристофана к аристократии видно и из его отношения к Спарте.

Итоги первого дня конференции и в Либлице и на расширенном заседании в Праге подвел Дж. Т о м с о н. Он отметил, что в его периодизации был недосмотр. Совершенно верна, формулировка, что корни полиса — в родовом обществе. Это очень важно отметить

потому, что в Греции, в отличие от Востока, развитие полиса из родовой организации общества было настолько быстрым, что сохранилось гораздо больше элементов родового строя. Это — следствие неравномерного развития, обусловленного, что видел уже Энгельс, развитием товарного производства. В вопросе сравнительной оценки Афин и Спарты Томсон считает правильным выделить, в первую очередь, различия в их развитии и выражает свое согласие с точкой зрения Вельскопф. После обсуждения он считает необходимым изменить формулировку о значении реформ Солона и Клисфена. Все развитие от Солона до Клисфена нужно рассматривать как единый процесс, начавшийся экономической революцией Солона и завершившийся политической революцией Клисфена, когда появилась новая форма государства и власть перешла в руки нового класса.

Из обсуждения явствует, что в решении проблемы сущности полиса необходимо избегать односторонности: как чрезмерного выдвигания роли товарного производства, так и чрезмерного выдвигания роли собственности на землю. Одной из черт развитого полиса является конфликт между развитием товарного производства и системой собственности на землю. Из обсуждения следует, что развитие экономики полиса определяется взаимозависимостью античной формы собственности на землю, античного рабовладения и товарного производства. Античная форма собственности на землю сделала возможным создание сомкнутого коллектива граждан, но не она была главной причиной его возникновения. Причиной явилось основное противоречие рабовладельческого полиса. Единство коллектива граждан было единством классовым, направленным против всех тех, кто был вне этого коллектива, против рабов в первую очередь. У колыхбели античного рабовладения, а значит, и полиса, стояло товарное производство, неустанно расширяемое и углубляемое этим же самым рабовладением. В конце концов, товарное производство, постоянно углубляя противоречия между трудом рабов и и трудом свободных, между богатыми и бедными, между рабовладельцами и свободными производителями, привело к кризису полиса. Было уничтожено единство коллектива граждан полиса. В идеологии развитие экономических отношений проявляется вначале в зависимости отдельного человека от интересов коллектива (*sofrosyne*); в период же начала кризиса полиса — в конце V в. — в росте индивидуализма, наглядным примером чего являются личность Аяквивада и движение софистов.

Я. Печирка

* * *

Вторым вопросом, рассматривавшимся на Международной конференции в Либлице, был вопрос о кризисе Римской империи. На эту тему были представлены доклад Е. М. Штаерман и содоклад Л. Варцла.

Е. М. Штаерман (Москва) считает, что важнейшую проблему перехода от рабовладения к феодализму можно решить только общими усилиями исследователей, занимающихся изучением истории отдельных областей древнего мира. К настоящему времени лучше всего исследована история Римской империи. Но даже и здесь, как показала недавно развернувшаяся на страницах «Вестника древней истории» дискуссия, имеется много нерешенных проблем, например, вопрос о степени развития элементов феодализма в недрах рабовладельческого общества, характер основных противоречий и классовой борьбы в период упадка империи, причины различия в ходе кризиса в Западной и Восточной частях Римской империи и т. д.

В рамках доклада невозможно заниматься всеми нерешенными вопросами. Е. М. Штаерман поэтому остановилась на вопросе о формах собственности и роли связанных с ними общественных групп.

Ученые, отказывающиеся признать, что рабовладельческие отношения были основой экономики Римской империи, часто приводят данные о том, что число рабов все время уменьшалось, что роль свободного труда росла. Здесь надо отметить, что все попытки определить процент рабов в населении Римской империи весьма ненадежны.

ны. Главное заключается в том, что рабство создало античную фамилию и античный город; положение рабов определяло положение свободных и колонов. Все это дает право говорить о ведущей роли рабовладельческих отношений в Римской империи.

Попытка определить основные формы собственности может объяснить перипетии политической борьбы в III—V вв. н. э. Можно считать, что в принципе это была борьба между группами, связанными с рабовладельческими и зачаточными феодальными формами собственности. Против городских групп рабовладельцев и близкой к ним армии выступали владельцы экзимированных сальтусов, одержавшие в III в. победу, что определило дальнейшее развитие империи в период домината. Анализ форм собственности дает возможность изучить особенности развития отдельных частей империи.

В заключение Е. М. Штаерман отметила, что некоторые положения ее доклада спорны, и выразила пожелание, чтобы они явились предметом обсуждения исследователей.

Л. В а р ц л (Прага) в своем выступлении выразил согласие с основными положениями доклада Е. М. Штаерман и сказал, что он исходил из этих положений в своем содокладе. Его задачей было показать некоторые формы общественного сознания в период империи. Автор несколько сузил свою задачу, остановившись только на тех формах общественного сознания, которые нашли отражение в письменных памятниках. Уже в период так называемого серебряного века в некоторых литературных произведениях появляются признаки того, что традиционные ценности римского общественного сознания начинают переоцениваться. Но эти признаки имели переходный характер. Полная же смена общественного сознания могла произойти лишь тогда, когда рабовладельческие производственные отношения были заменены новыми.

Христианство, которому автор уделил наибольшее внимание, в определенной фазе своего развития играло, по его мнению, прогрессивную общественную роль, заключающуюся прежде всего в том, что оно разбивало идеологию старого социального строя. Борясь против языческих богов, христианство способствовало подрыву веры в вечность римского рабовладельческого общества. Но прогрессивная роль христианства проявилась не только в этом. Христианство вернуло трудящимся веру в смысл их труда, оно избавило труд от того презрения, с которым к нему относились в рабовладельческом обществе. Кроме того, христианство провозгласило равенство всех людей. Правда, это равенство понималось в ограниченном смысле, как равенство всех членов христианской общины перед богом. Новые связи, которыми христианство заменяло прежние родовые или территориальные, имели двойственный характер. Были образованы местные общины, руководимые выборными органами, но наряду с ними создавалось и экumenическое целое, представляемое митрополитами и папами. Таким образом, в христианство проникали элементы, свидетельствующие об отклонении от первоначальной простоты и о стремлении господствовать над миром, стремлении быть выше светской власти.

В прениях по обоим докладам высказалось 15 человек, темы выступлений которых можно разделить на три группы: проблемы общественно-экономического кризиса империи, конкретные вопросы развития отдельных римских провинций и, наконец, проблемы кризиса в области идеологии.

С рядом критических замечаний по докладу Е. М. Штаерман, который он рассматривает как основу для дискуссии, выступил И. Б о р ж а к (Будапешт). Он указал, что, по его мнению, мероприятия государства, направленные к более мягкому обращению с рабами, едва ли можно рассматривать как симптомы кризиса, так как с такими явлениями мы встречались еще в Греции и даже на Древнем Востоке. Нужно точнее определить характер земледельческой общины. Не подтверждено, что общинная собственность на землю была распространена повсюду (кроме некоторых областей, Германии, например). Едва ли можно также согласиться с тем, что развитие сальтусов прервало развитие городов: еще во времена тетрархии возникли, например, Флавия Констанс, Констанция, Константина и др.

И. Б и ж у н ь с к а - М а л о в и с т (Варшава) выразила свое согласие с тем

тезисом Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 2), что характер восстаний рабов периода конца республики коренным образом отличался от восстаний, имевших место в поздней империи, являвшихся уже выражением кризиса рабовладельческого общества. Очень важным является высказанный в докладе тезис о том, что новые производственные отношения развились из элементов, которые существовали в предшествующий рабовладельческому строю период. Этим можно объяснить экономический и идеологический регресс в период перехода от древности к средневековью.

И. Бижуньска, однако, высказывает несогласие с утверждением докладчицы о том, что одной из основных закономерностей античности было противоречие между ограниченными возможностями повышения производительности труда и все растущими потребностями свободной части общества. Основное противоречие рабовладельческого, а равно и феодального общества оратор видит в том, что возможности расширения производства ограничивались слабой покупательной способностью или полным отсутствием таковой у значительной части непосредственных производителей. В период, когда рабовладельческий способ производства достиг определенного уровня производительности труда, появилась необходимость расширения территории, в противном случае возникали экономические трудности (в Греции в конце классической эпохи, а также и в эпоху Римской империи). Малой покупательной способностью населения можно объяснить и упадок ремесленного производства, наступивший в экономически передовых областях в связи с развитием ремесла в новых районах.

И. Бижуньска полемизировала и с концепцией Л. Вардла, согласно которой кризис сенатской аристократии был уже проявлением кризиса рабовладельческого общества. Она отметила, что в работе «Poglądy nobilitas okresu Nerona» («Мировоззрение нобилитета при Нероне», Варшава, 1951) она стремилась показать, что малая активность сенатской аристократии в борьбе за сохранение своих позиций вытекала из того, что ее противником была муниципальная аристократия, и, значит, речь шла о борьбе между двумя группами господствующего класса.

Касаясь положений Л. Вардла о раннем христианстве, И. Бижуньска заметила, что он переоценивает объединяющую силу христианства и его универсализм.

На проблематике начала кризиса остановился П. Ол и в а (Прага). Важнейшим симптомом кризиса, который можно проследить уже с конца II в. н. э., он считает прежде всего изменения в производственных отношениях: ослабление рабовладельческих отношений, развитие колоната, поселение «варваров» на территории империи и возникновение нового деления общества на *honestiores* и *humiliores*. Последующими признаками кризиса было быстрое обесценение серебряной монеты, обострение классово-войсковой борьбы, что проявилось особенно в увеличении числа «разбойников» и в мероприятиях государства против антиримского движения; неизбежное проявление кризиса было ускорено нападением соседних «варварских» племен, начало которому положили войны с маркоманами.

Далее П. Олива обратился к изменениям в отношениях между господином и рабом, которые можно проследить по юридическим памятникам с конца II — начала III в.

Вместе с ослаблением рабовладельческих отношений развивается колонат и появляется стремление прикреплять колонов к земле. Именно с конца II — начала III в. нам известны первые жалобы колонов императорских владений на плохое обращение.

В заключение П. Олива подчеркнул, что по юридическим источникам можно проследить только общую тенденцию. Для детального изучения рабовладельческих отношений в отдельных провинциях потребуются подвергнуть анализу эпиграфический материал, как на это указал венгерский ученый А. Мочи в своей работе о рабовладельческих отношениях в Римской Паннонии.

Римскому законодательству, направленному на защиту рабов, посвятил свое выступление И. Чешка (Брно). Нас не могут удовлетворять работы, авторы которых издание этих законов пытаются объяснить просвещенностью римских императоров. Целью этих законов было не увеличение прав рабов, а укрепление рабовладельческого общества и обеспечение большей безопасности. Кроме того, существенным

стимулом для издания подобных законов было общественное мнение. В эпоху принципата, когда наряду с рабами в производстве было занято много свободных и когда все росло число рабов, рожденных в неволе, общественное мнение широких слоев свободных граждан стояло на стороне рабов, против слишком жестоких хозяев, как об этом свидетельствуют некоторые данные Сенеки и Тацита. Корни общественного мнения надо искать не только в воздействии сочинений римских моралистов и сатириков, но и в тогдашней действительности.

Л. В и д м а н (Прага) остановился на централизме и партикуляризме в Римской империи. Из переписки Плиния Младшего с императором Траяном видно, как упорно защищали греческие города в восточной части империи свои привилегии от посягательства императорской власти. В это время в города начинают назначать императорских кураторов и корректоров; правители провинций не имели полномочий для контроля над самоуправлением городов, хотя это было бы для центрального правления проще. Особенности местного самоуправления сохранились и после издания *Constitutio Antoniniana*, привилегии граждан некоторых греческих городов горячо защищались и в дальнейшем.

В эпоху домината греческий партикуляризм проявлялся уже не в политике, а в сфере идей, конкретно в христианстве. Сохраняются старые культы, наряду с греческим языком — языком богослужения — сохраняются сирийский, армянский и коптский языки, что ведет к образованию самостоятельных церквей, не зависящих ни от Рима, ни от Константинополя. Можно сказать, что партикуляризм греческих полисов действовал и после ликвидации самостоятельности Греции и противостоял римскому централизму.

Несколько выступающих обсуждали проблемы развития отдельных областей Римской империи в эпоху ее кризиса и упадка.

О политических и экономических признаках социального кризиса в Африке в I в. н. э. говорил Я. Б у р н а н (Прага). Уже в начальную эпоху империи земледелие в Африке развивалось на основе колоната, а не рабовладельческих отношений. В эпоху Траяна и Адриана в Африке проявлялись сильный недостаток рабочих рук в земледелии и связанное с ним запустение земли. С другой же стороны, «варварское» население, жившее по соседству с римскими провинциями — проконсульской Африкой и Нумидией, — страдало от недостатка земли, уже в начале принципата толкнуло эти племена на антиримские выступления. Замечательно, что на их сторону вставали и немущие слои населения провинций. Уже в I в. н. э. в Африке проявляются признаки политического кризиса, который римские императоры стремились ликвидировать посредством суровых мер против местной аристократии, в особенности путем конфискации земли. Тогда же стало ясно, что армия, важнейшая опора императорской власти, может подняться против императора. Однако с помощью ряда мероприятий римлянам удалось преодолеть в Африке в I в. н. э. некоторые признаки экономического и особенно политического кризиса, а в III в. возникли уже серьезные факторы, приведшие к обострению классовой борьбы, к усилению антиримского движения и сепаратизму и способствовавшие распаду Римской империи.

Г. Г е р е м к о в а (Варшава) посвятила свое выступление проблемам общественно-экономического развития Египта в конце Римской империи. Классические рабовладельческие отношения не были основой сельского хозяйства, игравшего главенствующую роль в египетской экономике. Существовали различные формы общинного владения землей, что проявлялось в коллективной ответственности за выплату налогов и в обязанности коллективного поддержания оросительной системы. Основной формой производственных отношений в египетском сельском хозяйстве была аренда государственных земель непосредственными производителями. Именно потому, что в Египте мелкие крестьяне были заинтересованы в продуктивности своего труда, египетское сельское хозяйство находилось на высоком уровне развития. Однако в эпоху Римской империи в Египте растет число частных владений и идет процесс концентрации земли. С другой стороны, имеется ряд данных, свидетельствующих о постепенном ограничении свободы мелких держателей земли. В III в. и в Египте ясно проявляется глубокий

кризис. Наемники бегут с государственных земель. Частные владения подверглись кризису в значительно меньшей степени. Кризис государственных владений и развитие частных являются двумя сторонами процесса, создавшего основу для развития феодальных отношений в Египте.

А. М о ч и (Будапешт) подчеркнул, что при исследовании кризиса Римской империи нельзя ограничиваться изучением лишь литературных источников и юридических документов. Процесс реценции римского права в некоторых провинциях протекал постепенно, следовательно, упомянутые источники не могут а priori относиться ко всей территории империи. Особенности развития отдельных провинций проявились в процессе кризиса рабовладельческого общества. Степень развития рабовладельческих отношений нужно изучать на основе анализа сохранившихся памятников, прежде всего эпиграфических. А. Мочи обработал эпиграфический материал о рабах и вольноотпущенниках в Паннонии, то же самое для Дакии делает Л. Балл (Дебрецен, Венгрия). для Норика — Л. Видман (Прага). Таким же образом должен быть обработан материал и для других провинций. Для изучения экономики отдельных областей империи большое значение имеет археологический материал.

К положению в провинции Ахайте обратился в своем выступлении Т. З а в а д с к и й (Познань). Одним из значительных достижений советской дискуссии о кризисе и падении Римской империи нужно считать четкое установление нескольких типов земельной собственности, как то сделала Е. М. Штаерман. То, что она отделила землевладение муниципального типа от латифундиального, поможет избежать многих неясностей. По мнению У. Карштедта (*Das wirtschaftliche Gesicht Griechenlands in der Kaiserzeit*, Берн, 1954), в Греции в начале империи преобладало землевладение латифундиального типа. Это подтверждает предположение, что кризис проявился уже в начале принципата. Но при детальном изучении мы видим, что во многих случаях земля принадлежала представителям муниципальной аристократии, и, значит, нельзя говорить только о хозяйствах латифундиального типа. Выяснение изменений характера земледельческих хозяйств в отдельных провинциях является одной из задач при дальнейшем изучении вопроса.

О нижнедунайских провинциях в период кризиса империи говорил В. В е л к о в (София). В эпоху принципата романизация подверглась прежде всего городская аристократия северной Болгарии и Добруджи. В эпоху домината выросло значение диоцеза Фракии, лежавшей на границе обеих частей империи и вместе с тем на границе империи с нижнедунайскими «варварами».

Несмотря на развитие рабовладения и колопата, свободное земледельческое население не утратило здесь значения. Но положение земледельцев в эпоху домината и в ранневизантийский период было очень тяжелым, так что нередко они искали пропитания, нанимаясь на военную службу. Фракийские крестьяне часто использовали нападения «варварских» племен и внутреннюю борьбу за трон, поднимая восстания против своих угнетателей. В период непрерывающихся войн и набегов было уничтожено много фракийских деревень. Но, несмотря на это, часть свободного фракийского крестьянства сохранилась до прихода славян.

Отношения на «варварской» территории в период перехода от рабовладения к феодализму посвятил свое выступление Б. С в о б о д а (Прага). Регресс империи отразился и в археологическом материале соседних с Римской империей «варварских» областей. В районах, лежащих по Дунаю, обнаружены одиночные погребения, видимо, представителей аристократии. В этих погребениях найдена не только роскошная римская керамика (*terra sigillata*, *terra nigra*), но и керамика, изготовленная посредством новой техники по местным мотивам.

О проблеме кризиса в области идеологии говорила И. Н о в а к о в а (Оломоуц, Чехословакия). Она присоединилась к утверждению Л. Варцла, что отрицательные построения так называемой сенатской оппозиции отразились в литературе, но вместе с этим она высказала несколько критических замечаний. По ее мнению, освобождение «Фарсалий» Лукана от мифологии обычно переоценивается. Это сочинение необходимо связать с другими литературными произведениями времени империи. В «Аргонавтиках»

Валерия Флакка еще появляются олимпийские боги, но они трактуются отрицательно; главным положительным героем становится Медея. В эпосе отражается протест против социального строя. В лирическом сборнике «Silvae», автором которого был Стаций, боги стали только украшением. Свое завершение этот процесс нашел в сочинении поэта Клавдиана, где задачей богов является охранять императора и его семью. Развитие мифологической линии у поэтов эпохи империи протекало таким образом, что вначале боги упоминались как добрые существа, затем рисовались отрицательно и, наконец, опять как добрые, но уже в официальном смысле. В народных слоях с помощью распространяющегося христианства продолжается их демонизация.

Римской поэзии эпохи падения Западной Римской империи и возникновения варварских государств посвятил свое выступление К. С в о б о д а (Прага). Уменьшается число поэтов и их произведений. Поэтические образы заменены риторикой и ученостью, проявляется бедность мысли и сухость чувств. Характерным для этой эпохи является недостаток новых поэтических форм, зато все внимание уделяется внешней, формальной стороне стиха (рифмам, тропам, внешнему виду). Сокращение числа поэтов К. Свобода объясняет экономическим и общественным разложением и прогрессирующей варваризацией. Упадок искусства связан с духовным упадком, которому способствовало ослабление морали. Забота же о внешней форме литературных произведений была следствием развития грамматики и риторики, нужных государству и церкви.

Несколько замечаний по идеологическим проблемам, связанным с вопросом о кризисе империи, сделал М. Б р о ж е к (Краков).

Некоторые проблемы в предложенных участникам конференции докладах за недостатком времени могли быть лишь намечены. Так, например, Л. Варцл, говоря о прогрессивности христианства, не отметил, что уже с самого начала новая религия провозглашала эсхатологическое решение вопроса и не стремилась улучшить удел людей на земле. Е. М. Штаерман хорошо использовала юридические и эпиграфические источники, однако литературные источники требуют надлежащих комментариев. Так, например, упоминания Плиния или Сенеки о рабах часто были вызваны лишь традицией стоиков или же касались конкретных отношений в доме или в имени автора, и едва ли их можно обобщать.

И. Г р у б ы й (Брно) остановился на императорской мистерии и ее проявлении в изобразительном искусстве. Искусственно воскрешенная в начале принципата религия старых римских богов осталась лишь мертвой декорацией. В народных слоях приобретали все большую популярность восточные эсхатологические культы, особенно митраизм и христианство. Эсхатологические тенденции с конца I — начала II в. проявлялись и в идеологических течениях среди представителей господствующих слоев, т. е. в стоицизме посидониева типа, в новопифагоризме и в позднем платонизме. Но вместе с этим выкристаллизовывалась идеология культа императора, императорская мистерия. Для римских императоров провозглашалось не только посмертное существование, но и существование в качестве богов. Свидетельства об императорской мистерии сохранились прежде всего в произведениях изобразительного искусства.

В заключение дискуссии выступили оба докладчика. Е. М. Штаерман отметила, что не сможет ответить на все поставленные выступающими вопросы. Что касается форм собственности на землю, о чем говорили И. Боржак и Т. Завадский, то нужно подчеркнуть, что всегда надлежит исследовать конкретные отношения. Критерием для определения различий между муниципальной и частной собственностью до некоторой степени может служить принадлежность владельца к городской курии, а также характер хозяйства, основанного преимущественно на труде рабов или колонов. Проблема общины и в дальнейшем нужно уделять внимание, в особенности же изучать конкретный материал из отдельных провинций. Критически докладчица отнеслась к утверждению М. Брожека, что в отношениях к рабам играла большую роль философская традиция. Очень важную проблему положения рабов нельзя изучать на основании абстрактных рассуждений. Идеология обязательно и всегда возникает на базе реальных условий и

общественных противоречий жизни. Е. М. Штаерман согласилась с точкой зрения о прогрессивной роли раннего христианства как идеологии трудящихся. Однако нужно иметь в виду, что в результате изменения состава христианских общин изменилась и идеология их руководителей, так что элементы прогрессивной идеологии сохранились главным образом в еретических сектах.

Л. Вардл констатировал, что по теме его содоклада выступило мало участников обсуждения. Он выразил свое согласие с выступлением И. Новаковой, кроме ее утверждения, что эпос Валерия Флакка является протестом против общественного строя. Он считает это утверждение спорным или даже неверным. Пассивная позиция христианства еще не служит доказательством его прогрессивности, как считает М. Брожек. О прогрессивности раннего христианства говорит объективная оценка его роли.

Дискуссия о кризисе и падении Римской империи показала, что решение этого важного вопроса развития древнего общества может быть достигнуто только на основе детального монографического исследования отдельных проблем при одновременном обмене опытом между исследователями. Но широкий круг тем, с другой стороны, ведет к определенной распыленности, так, некоторые из выступлений лишь косвенно относились к теме. Только посредством детального исследования как можно более широкого круга проблем, связанных с вопросом кризиса и падения империи, и взаимной критики опубликованных работ прогрессивная историография может добиться удовлетворительных результатов.

На конференции были прочитаны также доклады трех болгарских ученых. Л. О г н е в а рассказала об одной предположительно иллирийской надписи на кладбище в Комане, которую она интерпретирует как старохристианскую греческую надпись. Д. Д и м и т р о в познакомил участников конференции с интересными новыми раскопками во фракийском городе Севфополи. Т. И в а н о в сделал сообщение о вновь обнаруженной мозаике из Ульпия Эскуса в Мезии, изображающей, согласно надписи, сцену из неизвестной комедии Менандра «Achaioi».

П. Олива

* * *

Третий пункт повестки дня совещания был посвящен вопросу о состоянии обучения классическим языкам и развитии науки об античности в отдельных странах. От СССР сообщение сделал профессор С. Л. У т ч е н к о. От ГДР с докладом выступил ректор университета им. Гумбольдта в Берлине профессор В. Х а р т к е. Сообщение о Польше сделал профессор Варшавского университета К. К у м а н е ц к и й, о Болгарии — профессор Софийского университета Д. Д и м и т р о в. С докладом о Венгрии выступил профессор Будапештского университета И. Б о р ж а к, о Румынии — профессор Бухарестского университета Д. М. П и п п и д и. С сообщением от Чехословакии выступил академик А. С а л а ч.

На заключительном расширенном заседании в Праге академик А. Салач подвел итоги совещания в Либлице. В результате работы совещания было решено образовать постоянный Международный комитет античников. Основные задачи этого комитета были определены следующим образом: забота об изучении античности в средней и высшей школе, а также в академиях наук, организация обмена опытом на этом поприще; издание международного научного журнала, отражающего все стороны античности и ее влияние на позднейшие эпохи; предоставление возможностей для научных командировок в страны античной культуры и организация обмена научными сотрудниками.

Председателем Комитета был избран академик А. Салач, секретарем — доцент Л. Вардл (Прага). От СССР в состав Международного комитета античников избраны проф. С. Л. Утченко и проф. Н. Ф. Дератани.

Обсуждение всех трех вопросов на конференции в Либлице показало полезность и необходимость организованного международного сотрудничества в нашей области знаний. Античное общество следует изучать как органическое целое, используя данные о всех сторонах его жизни. Для достижения этой цели, подчеркнул в своем заклю-

чительном слове в Праге проф. Дж. Томсон, необходимо как можно более широкое пластовое сотрудничество ученых на основе марксистско-ленинского учения. «Если посмотреть с этой точки зрения на нашу конференцию, — сказал профессор Дж. Томсон, — то, бесспорно, она была успешной, так как ознаменовала собой существенный шаг вперед в организации такого коллективного сотрудничества в международном масштабе — между СССР и странами народной демократии прежде всего, но с перспективой сотрудничества с прогрессивными учеными Запада. Именно в этом направлении мы должны объединить наши усилия не только для развития науки, но и во имя мира во всем мире».

А. Шмидтова, Э. Свободова

НАУЧНЫЕ СЕССИИ КАФЕДР КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

С 20 по 25 мая 1957 г. в Москве происходило расширенное заседание кафедры классической филологии с участием специалистов из вузов Москвы и периферии. Приняли участие в сессии 52 человека. На сессию приехали из Ленинграда зав. кафедрой проф. Казанский, проф. Тронский, доценты Доватур, Боровский и др., из Львова проф. Лурье, из Тбилиси проф. Берадзе, научные работники Казанского, Киевского, Харьковского, Черновицкого и Латвийского университетов, а также специалисты из педагогических вузов.

Сессия открылась вступительным докладом зав. московской кафедрой проф. Н. Ф. Дератани «Классическая филология в системе вузовской науки и организационные вопросы». Докладчик констатировал, что классическая филология все еще не заняла подобающее ей место в системе вузовской историко-филологической науки: недостаточное количество часов отводится на латинский язык и античную литературу на неклассических отделениях, где необходим и краткий курс по истории Греции и Рима. Докладчик указывал на необходимость преподавания греческого и латинского языков аспирантам разных специальностей, на трудность печатания работ по классической филологии, на необходимость специального журнала для этой науки.

Проф. И. М. Тронский (Ленинград) прочел доклад «Задачи советского языкознания в области классических языков». По мнению докладчика, работа по изучению классических языков в СССР должна развиваться в тесном контакте с общими задачами советского языкознания, поставленными Академией наук СССР; в частности, изучение синтаксиса греческого и латинского языков должно происходить на основе применения методов русской синтаксической школы (А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова); теперь сильно оживляется изучение греческого языка и его диалектов в связи с дешифровкой крито-микенского линейного письма «В». Доцент Кишиневского педагогического института Гринбаум в своем содокладе хорошо показал известное родство крито-микенских текстов с более поздними греческими диалектами. Проф. С. Я. Лурье (Львов) посвятил свой доклад склонению имен в греческом языке крито-микенских текстов. Проф. С. И. Радциг в докладе «Проблемы изучения истории греческой литературы» остановился главным образом на спорном вопросе об античном реализме, наличие которого он доказывает, несмотря на мифологические сюжеты эпоса и трагедии. Другой важной проблемой, по мнению проф. Радцига, является изучение восточного влияния в греческой литературе.

Проф. Н. Ф. Дератани поставил ряд задач изучения римской литературы: ее периодизацию, более углубленное исследование демократических жанров и писателей, закономерность развития жанров, вопрос о самобытности римской литературы, проблемы реализма и типизации, традиция и новаторство, фольклорные основы, художественные изобразительные средства, соотношение литературного языка и языка писате-